

И.А. Пильнов

Великая русская революция и социализм в работах Н.А. Бердяева и Б.В. Яковенко середины 1910-х – 1920-х гг.

Пильнов Илья Андреевич – аспирант. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: iapilnov@edu.hse.ru

В данной статье предпринимается попытка сравнительного анализа проблематики революции и социализма в философском творчестве Николая Бердяева и Бориса Яковенко. Автор преследует цель сопоставить ключевые философско-политические концепты двух мыслителей для выявления общности и различия их взглядов. Предметом рассмотрения выступают работы Бердяева и Яковенко периода середины 1910-х – 1920-х гг. В статье показано, что с историко-философской точки зрения именно данный период творчества обоих мыслителей дает основание для компаративного анализа их революционной аналитики. После написания «Истории Великой Русской революции» Яковенко не возвращался к осмыслению событий революции в России, Бердяев же после 1924 г. начинает использовать иные подходы в обсуждении философско-исторической и социально-политической проблематики. Близость позиций двух философов проявляется в сходстве концептуального аппарата, а различия – в исходных философских интуициях и метафизических взглядах, которые определяют их философский горизонт. В статье делается вывод, что Бердяев и Яковенко отчасти сближаются в своих трактовках, обсуждая вопрос о свободе и различных формах несвободы, рассматривая его сквозь призму философско-политической программы социализма и событий революции и выявляя их религиозную и духовную природу.

Ключевые слова: Николай Бердяев, Борис Яковенко, революция, интеллигенция, социализм, плюрализм, духовность, творчество, свобода

Введение

Интеллектуальные усилия русских мыслителей, оказавшихся в 1920-е гг. в вынужденной эмиграции, сосредотачиваются на теме революционной катастрофы и роли большевиков в ней, что составляет самостоятельное направление философии российской истории и политики [Кара-Мурза, Поляков, 1999]. Они свидетельствуют о продуктивном стремлении интеллигенции, придерживающейся разных политических взглядов, к выяснению вопроса об особенностях исторического развития России, ее цивилизационной самоидентификации, а также о попытке осознать рево-

люцию и социализм как культурные и социальные явления [Вандалковская, 2009]. Эти историософские и публицистические сочинения нередко демонстрируют внутреннюю конфликтность эмигрантской среды, противостояние ценностей, идеалов и идеологий, характерные для отношений между различными социальными группами в истории России [Струве, 2005, с. 19]. Основным фокусом этого дискурса становится вопрос о религиозной, идеологической и политической направленности русской революции. Многие мыслители обращают особое внимание на кризис морали и идеалов, на уменьшение политических и культурных свобод, на интенсивно укрепляющуюся власть большевизма в России, давая свой ответ на то, что такое большевизм и социализм [Степун, 2009, с. 426].

Анализ проблематики русской революции, интеллигенции и социализма приводит философов не только к политическому, но главным образом к моральному выводу. Эта линия развития политико-философских дискуссий русских интеллектуалов крайне важна еще и потому, что она выявляет общую логику движения идейно различных представителей общественной мысли к этически трактуемой философии истории и политике при сохраняемой автономии теоретических оснований. Ярким примером здесь является социальная мысль Н.А. Бердяева и Б.В. Яковенко. Именно нравственные следствия революции, оцениваемые как пагубные для российской культуры и свободы, продолжают в эмигрантский период рассматривать бывшие участники «Вех». Для Н.А. Бердяева проблема заключается в главном виновнике и вдохновителе революции – интеллигенции, увлеченной идеями утилитаризма и материализма, профанировавшей духовные начала жизни человека и общества, что взрастило в народном сознании нигилизм и открыло путь к идеологическому доктринерству и политическому насилию. В такой системе морального ригоризма и политической целесообразности идея становится догмой, вытесняя религию, а святость теряет свою духовную суть, превращаясь в нерелигиозное, лишённое мистического характера явление. Справедливо утверждать, что основанием историософской критики Бердяевым русской революции становится отношение к фактору религиозности культуры и мистической стороны жизни, без которых для него невозможна настоящая свобода – и духовная, и политическая [Жукова, 2023, с. 36–37].

Б.В. Яковенко, в дореволюционный период выступавший идейным оппонентом участников религиозно-философских обществ Москвы и Санкт-Петербурга с позиции неокантианства, не остается в стороне от основной моральной и философской работы русских эмигрантов-интеллектуалов. В центре его анализа – те же темы, что волнуют веховцев, но он, в свою очередь, пытается предложить альтернативный анализ. Яковенко был не удовлетворен метафизической концептуализацией свободы и творчества у Бердяева, и его понимание революции и свободы явно отличается от бердяевского дискурса о революции. В целом сближаясь с освещением философско-исторического контекста, Яковенко перетолковывает смысл событий, отнимая его у религии и перенося в область философских абстракций. Яковенко был недоволен некоторыми положениями социальной философии Бердяева и, по сути, отвечал на бердяевскую версию веховской историософии своим проектом политической философии, который можно реконструировать прежде всего в его «Истории Великой Русской революции» и эмигрантской публицистике.

Религиозность была чужда Яковенко, ведь для него религиозная идеология сама становится насильственной, поскольку подчиняет общественную жизнь ряду религиозных догм. Другой крайностью проявления религиозности оказывается подчинение общественной морали и жизни личному мистическому опыту, который во многом произволен. Религия выступает ограничителем, она сводит все остальные ценности и культурные объекты к себе, отрицая разнообразие общественной жизни и индивидуальные свободы. В свою очередь религиозность закрывает путь

для свободы, ведь она направлена на вечные идеалы и ожидание религиозных благ, когда общественное устройство подразумевает свободу активного действующего начала, творчества, которые религиозность может подавлять [Яковенко, 1991, с. 234–237]. Оба мыслителя, обращаясь к животрепещущей для них проблеме, как кажется, пользуются сходным концептуальным аппаратом, однако их философские «призмы» и способы теоретизации подчеркивают отличия в суждениях и выводах, выявляя двойственный смысл русской революции и социализма. В историко-философском отношении сопоставление позиций Бердяева и Яковенко в наиболее активный период осмысления этих тем – с середины 1910-х по 1920-е гг. – может дать нам более точное представление об аналитике революции и большевизма в русской социально-политической и религиозно-философской мысли.

С нашей точки зрения, компаративный анализ взглядов Бердяева и Яковенко не только помогает выявить точки пересечения и расхождения в их подходах, но проливает свет на более широкие философские и идеологические споры, характерные для эпохи и отраженные в дореволюционных и эмигрантских дискуссиях [Митрохин, 2009], представляющих разные идейные и политические «лагеря» русской мысли. Яковенко, акцентируя внимание на свободе как основе плюрализма и демократического процесса, и Бердяев, рассматривающий свободу через призму метафизики и духовного обновления, предлагают уникальные, но взаимодополняющие перспективы. Сравнение взглядов двух мыслителей, стоящих не на позиции социализма, а отстаивающих во многом демократические и либеральные политические идеалы, позволяет лучше понять, как разные философские школы и направления влияли на формирование политических и общественных идеалов в России. Эти два мыслителя, несмотря на некоторые общие темы, предложили существенно разные взгляды на политическую и социальную реальность, что делает их сравнительный анализ важным для осмысления интеллектуального поля того времени.

Историософская критика Н.А. Бердяева: революционный нигилизм интеллигенции

Для Н.А. Бердяева – философа истории и метафизика, одного из авторов сборников «Вехи» и «Из глубины», революция изначально не является чисто политико-социальным явлением. Для мыслителя масштабный политический кризис обнажает не только общественные, но и духовные, культурные и религиозные проблемы, которые приводят русское общество к революционной трагедии – крушению Российской империи, социальному и духовному хаосу. Мотив Бердяева становится понятным, если исходить из его метафизической трактовки социальных событий. Как характерно для Николая Бердяева, решение революционного вопроса начинается с внутреннего мира каждого человека [Бердяев, 2017, с. 6].

Анализируя русскую революцию, Бердяев акцентирует внимание на моральной оценке главного виновника событий – интеллигенции. Российская интеллигенция, глубоко проникнутая европейскими идеями, играет активную роль в трансформации духовных устоев общества. Нигилизм, присущий этой социальной группе, становится препятствием для позитивных изменений. В ходе Великой русской революции, по мнению Бердяева, демократическая и леворадикальная интеллигенция сталкивается с проблемой: ее нигилизм не создает основы для конструктивной деятельности, тогда как целью должно быть стремление к духовному обновлению, которое могло бы стать подлинным результатом революции [Там же, с. 7–8]. Его ожидания от революции двойки – страх хаоса и надежда на обновление. При этом Бердяев мыслит некий идеал будущего: страна после революции, проходящая через

радикальное отрицание всех старых догматов и норм, может ориентироваться лишь на вечные ценности. Даже прежнее противостояние Востока и Запада будет снято в новом культурном и духовном синтезе. Мысль Бердяева можно реконструировать следующим образом: он не исключает, что интеллигенция, только создавшаяся или старая, отказавшаяся от нигилизма и западничества, придет к выполнению просветительской и наставнической миссии, прививая духовные ценности широким слоям народа [Бердяев, 2017, с. 55–56].

Сама революция, согласно Бердяеву, представляет собой непростое испытание для самосознания русской интеллигенции. Отсутствие адекватного исторического анализа и неспособность осознать глубину событий, таких как мировая война и Великая русская революция, являются факторами, которые приводят к необходимости пересмотра основ интеллигентского мировоззрения, ее моральной догматики. Диалектика внешнего и внутреннего в моральном самосознании интеллигенции проявляется неудовлетворенностью существующим положением вещей, хотя и может служить стимулом для ее творческой работы. В этом для Бердяева обнаруживается момент открытости и непредрежденности – он видит возможность перехода от негативного и нигилистического мышления к созидательному и конструктивному, ведь в ситуации социального и ценностного кризиса особенно важно проявление творческого подхода, который способен преодолеть негативные тенденции и нигилизм. Трактовка Бердяевым интеллигенции парадоксальна: он считает, что она не обладает внутренним революционным потенциалом, но, скорее, является частью среды, создающей предпосылки для возникновения революционных событий, при этом нередко оказывается в затруднительном положении, не будучи способной предложить конструктивные решения и уходя в отрицание культурных и духовных ценностей [Там же, с. 32–33]. Как «триггер» революции интеллигенция заражает душу народа нигилизмом, в распространении которого Бердяев обвиняет в «Духах русской революции» Льва Толстого [Бердяев, 1990, с. 80–81].

Вопрос об освобождении народа

Чем же является революция для народа? Бердяев исходит из тезиса об ограниченном осуществлении народом своей воли в силу недостатка личных прав и благ. В историософской схеме Бердяева эта проблема увязана со спецификой становления русской государственности: ограничение обусловлено пространственно-географической обширностью государства, что требовало централизации власти и бюрократизации, что в свою очередь подавляло народную волю в пользу интересов государства. Однако революционные события и мировая война могли стать катализаторами изменения народного сознания, способствуя его самостоятельности, стремлению к реализации собственной воли внутри государственных границ [Бердяев, 2017, с. 41–42]. Заметно, что Бердяев пытается производить, помимо культурно-духовного, социально-политический анализ, но эта попытка остается весьма поверхностной. Бердяеву как аналитику явно не хватает достаточных концептуальных средств для того, чтобы связать свои метафизические интуиции с материальными компонентами революции и духовными ее основаниями. В результате он удовлетворяется тезисом о конфликте государства и свободных сил личности и общества: «Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил» [Там же, с. 41]. Историософская логика Бердяева следующая: истинное восстановление свободы народа требует внутренней революции каждого его члена, направленной на освобождение

его духовного потенциала [Бердяев, 2017, с. 46–47]. Потрясения, что привносит революция, приводят к новому этапу исторического процесса – для Бердяева-метафизика здесь открывается альтернативность истории.

Социализм и буржуазность в оценке Н.А. Бердяева

Бердяев придает равное значение как революционным, так и реакционным аспектам исторических событий. Революция, с его точки зрения, служит проверкой старых идеалов и ценностей, иницируя процесс переоценки, который должен завершиться утверждением позитивных и духовных идеалов. «Русская революция есть гибель многих, слишком многих русских иллюзий, иллюзий народнических, социалистических, анархических, толстовских, славянофильских, теократических, империалистических и др.», – формулирует философ [Бердяев, 2006б, с. 31–32]. Реакция же, или контрреволюция, представляет собой освободительное движение, целью которого является возвращение народу свободы в духовном ее измерении. Но эта духовность отлична от духа буржуазности и духа социализма, в которых Бердяев видит сходство. Буржуазное мировоззрение, глубоко укорененное в материальном бытии, во многом отрицающее духовное, является для него источником социализма. Социализм, как продолжение буржуазного общественного устройства, стремится к распространению буржуазного мировоззрения и способа устройства жизни для большинства, но он не может возвыситься над материальным бытием, предоставить свободу народу, раскрыть его духовные и творческие начала [Там же, с. 194–195]. Социализм берет на себя роль централизующей силы государства и социальными внешними силами пытается влиять на внутренний душевный мир. Ему не присуще творческое начало, поэтому он и не может предложить чего-то реакционного, чтобы окончить революционные процессы. Важнее внутренняя революция, что разворачивается в каждом индивиде; иными словами, в человеке должна проявлять себя духовная жизнь.

Парадокс отношения Бердяева к социализму заключается в том, что он считает его новой религиозностью, однако отмечает, что он строится на других, не духовных основаниях. Основным аспектом социализма является лишение свободы. Идеология социализма провозглашает победу мирских ценностей, что для Бердяева означает уничтожение возможности восхождения в трансцендентный мир истины. Для него материалистический социализм эквивалентен порабощению духа. Под социализмом, по мнению Бердяева, невозможно решить те проблемы, которые возникают в период революции [Там же, с. 221–222].

Народ, будучи открытым к историческому процессу, ощущает конфликтную ситуацию и видит необходимость решения социально-политических задач. Однако, по Бердяеву, социалистический идеал оказывается всего лишь социалистической утопией массовой буржуазности. Вывод Бердяева крайне важен: он будет развит в его классических работах «Новое средневековье» и более поздних – «Истоки и смысл русского коммунизма» и «Русская идея». Социализм – это кульминационное развитие буржуазной культуры, а не ее преодоление. Сам дух социализма направлен на массу, а не на индивида, он направлен на материальность, а не на мир духовный [Бердяев, 2006а, с. 24–25]. Подмена духовного материальным является одной из самых важных критических фокусировок Бердяева. Материя по своей природе несвободна, имманентность противостоит трансцендентности, науки противостоят творчеству. Бог полностью замещается буржуазным образом жизни и государством, профанируется. Это приводит к слову мира внутреннего, что для Бердяева является катастрофой.

Революция как катастрофа

В своем восприятии и оценке революции Бердяев становится все более пессимистичным: это связано с тем, что контрреволюции не последовало, и народ не получил политической свободы, тогда как большевизм одержал верх. «Русская революция есть великое несчастье. Всякая революция – несчастье. Счастливых революций никогда не бывало. Но революции посылаются Божьим Промыслом, и потому народы многому в них научаются», – формулирует русский философ [Бердяев, 2002, с. 256]. Бердяев ждет личной духовной революции. Но в социалистической революции она подавляется материальными переживаниями, что создает новую веру, решающую духовный вопрос при помощи государственного аппарата [Там же, с. 263–265]. Революция есть свершающийся апокалипсис, переход на новую стадию творческой духовной жизни. Революция неотвратима, она решает накопившиеся противоречия. Контрреволюция же – движение свершившейся внутренней духовной революции. Однако эти чаяния Бердяева опрокидываются жестоким реализмом исторического момента [Федотов, 1991, с. 544–546]. Таким образом, апокалипсис, вызванный революцией, не приносит нового мира, а лишь означает в трактовке Бердяева конец истории [Никоненко, 2021, с. 168].

Согласно Бердяеву, в результате столкновения различных идей происходит проверка их на прочность перед вечными ценностями, которые даже могут конфликтовать с национальными идеалами [Силантьева, 2018, с. 100–101]. Революция, по Бердяеву, – это не только социально-политический процесс, но и глубокий духовный вызов, который интеллигенция не смогла принять – она не выполнила роль просветителя и руководителя народа из-за своей нигилистической склонности [Бердяев, 2006б, с. 105–107]. Социализм, в свою очередь, представляется им как средство, разрушающее духовные ценности и подавляющее индивидуальную свободу.

Бердяев не был одинок в этих оценках, сходные рассуждения о политике через проблематику духовности и религиозности мы находим у многих философов, разделивших эмигрантскую судьбу [Струве, 1990; Франк, 1990; Степун, 2010; Федотов, 2011]. Однако если убрать фиксацию на религиозности и вернуться к ценности свободы вне теологического ее рассмотрения, то эту общность можно найти в работах и другого русского мыслителя – Бориса Валентиновича Яковенко, который был идейным и мировоззренческим противником Бердяева, отстаивая принципы «научной» философии в противоположность русской религиозной мысли.

Истоки политической философии Б.В. Яковенко

Истоки политической философии Бориса Яковенко представляют собой сложное переплетение различных интеллектуальных традиций и влияний. Его философия является результатом интенсивного взаимодействия с европейской мыслью, где осмысление уникального исторического пути России становится в эмигрантский период смысловым и моральным горизонтом интеллектуального поиска. Необходимо артикулировать ключевые идеи и концепты, лежащие в основе политической философии Яковенко, чтобы дать наиболее точную интерпретацию его взглядов на государство, свободу, демократию и социальную справедливость. Это позволит выявить у Бердяева и Яковенко как сходства, так и различия в представлениях о свободе, выступающей основанием их философских построений.

Основу политико-философской концепции Б.В. Яковенко составляет сложный комплекс неокантианских представлений о человеке, его познавательной активности в формах культуры и социальности. Для реконструкции его подхода необходимо

указать на две работы: «Сущность плюрализма» и «Учение Риккерта о сущности философии». Если Риккерт в попытке сведения истории к познанию и логике упускает множество других аспектов, к примеру волю или различные эмоциональные состояния, которые могут быть более значимы для герменевтики, чем для неокантианства, то история для Яковенко более объемна. Она как бы имеет две формы проявления: с одной стороны, мир фактов и законов, с другой – изучение уникального, не поддающегося пониманию с точки зрения законов, индивидуального опыта. История все же основывается на материале, а не представляет из себя формальную науку. Но и все науки работают с разными регионами реальности, а их итоги плюралистичны [Яковенко, 2000, с. 490–492].

Философия Яковенко строится на рациональном анализе сознания, а не на внутренних переживаниях отдельного индивида. Плюрализм же проявляется в философии как феноменологическая критика. Критика и рациональность противостоят внутренним переживаниям. Этот подход напоминает принцип демократии, которая стремится к разворачиванию поля дискуссии для «апробации» разных истин, в то время как социализм предполагает монизм, утилитаризм и уменьшение свободы критики [Мелих, 2012, с. 432–434]. По мнению Ю.Б. Мелих, плюрализм – «это в первую очередь основная интимная убежденность самого Яковенко» [Там же, с. 444].

С точки зрения Яковенко, монизм не способен преодолеть дуализм, из которого он проистекает. Монизм предполагает субъектно-объектную дихотомию, но пытается свести одно в другое, оставаясь скрытой формой дуализма, при этом производя редукцию к психологизму или натурализму [Яковенко, 2000, с. 285–286]. Необходимо применять плюралистичный взгляд на различные области познания, чтобы избежать догматизма. Для Яковенко плюрализм – феноменологическая критика, различающая многообразие сущего вне количественно-качественной дихотомии [Там же, с. 290–291]. Этой установкой определяется взгляд на историю: бытие определяется свободой, а свобода необходима для хода истории, чтобы она не была ограничена детерминистскими трактовками. Вечный конфликт истории – борьба автократии и демократии, иными словами, монизма (догматизма) и плюрализма (критицизма). По Яковенко, автократия пытается создать монизм идеологии, а демократия стремится вернуть плюрализм в общественное поле. Как отмечает Мелих, утопия Яковенко и заключается в том, что он отходит от рационалистических принципов, отдавая предпочтение многообразию истины и бытия [Мелих, 2012, с. 454–455].

Революция и социализм в оценке Б.В. Яковенко

Яковенко, находящийся под сильным влиянием западной мысли, признает значительные различия между интеллектуальными и политическими традициями России и Запада и толкует это как причину для возникновения политических и социальных дискуссий [Дель Эра, 2012, с. 423–426]. В таком дискуссионном поле находится и мысль Яковенко, который в эмиграции отдает немало сил политической публицистике. Находясь в Италии, сначала он пытается освещать события, происходящие на родине, не затрудняя себя глубоким историософским анализом. Однако его настроение меняется. Успехи большевиков, которых он рассматривал как преграду на пути демократии и плюрализма, приводят Яковенко к неутешительным прогнозам, что свобода и демократия не смогут закрепиться на территории бывшей Российской империи. Все это станет побудительным мотивом к написанию «Истории Великой Русской революции» – работы, в которой Яковенко выступает убежденным сторонником свободы. Этот концепт становится ключевым в его анализе революции и большевизма.

Дав экспозицию своей идеи в предисловии, он переходит к объективно-историческому рассмотрению предреволюционных событий и Великой русской революции. Для Яковенко история не сводится к политическим и экономическим аспектам; она служит возможностью рассмотреть противоречия между свободой и необходимостью, освобождением и узами зависимости. Духовность играет ключевую роль в его рассмотрении, и она должна быть свободной, чистой, творческой и добродетельной. Классовый подход к обществу не удовлетворяет его с точки зрения методологии философии истории, поскольку он сосредоточен на материальных и экономических аспектах. Хотя воля и интересы класса могут быть более чистыми, чем у отдельного индивида, но они ограничены материальным видением мира и истории. Истинная революция, и здесь Яковенко вторит Бердяеву, происходит в духовной сфере. Революционные изменения вне практики насилия при выраженном стремлении к свободе являются идеалом для Яковенко. Принуждение, даже в целях получения свободы, обречено на неудачу. Революция должна способствовать расширению свободы, но наиболее справедливым способом в конкретной ситуации. Это то, что Яковенко называл своей «идеалистической революцией»: «И ясно, что в таком случае долг всякого истинного поборника свободы и духа, всякого подлинного и искреннего революционера состоит сейчас в том, чтобы снять с достигнутого так безжалостно облепившую его и уродующую материалистическую эгоистическую оболочку и дать выявиться ему во всей своей подлинной революционности и во всей своей нравственно-идеалистической красе» [Яковенко, 2013, с. 27]. Эта революция свободна от злой воли и борьбы за материальные блага, она стремится к свободе и справедливости [Там же, с. 26–28].

Для Яковенко революция представляет собой динамическое стремление к смене власти, совершающее переход от автократического управления к демократическим формам правления. Он рассматривает Великую Русскую революцию как возможное начало демократического движения славянства, считая, что, если эгоизм не начнет доминировать, революция приведет к освобождению. Признавая слабость демократических традиций в России и разрушительную силу бунта, Яковенко продолжает придерживаться концепции конструктивной революции, указывая при этом, что ни одна революция не может полностью соответствовать своим идеалам [Ермишин, 2018, с. 69]. Приближаясь к завершению своего анализа, Яковенко констатирует тупиковую ситуацию, в которой оказывается движение, стоящее на стороне принципов свободы и демократии. Он выделяет три возможных сценария завершения русской революции: установление власти Советов, установление армейской диктатуры и анархическое революционное состояние, которое в конечном итоге может превратиться в диктатуру определенной политической силы, способной навязать свою волю большинству. Яковенко заключает, что свобода не достигла своего расцвета в результате революции, а скорее погибла. Подобно многим другим философам и интеллектуалам в изгнании, он воспринимает итоги революции с обостренным чувством исторического пессимизма [Яковенко, 2013, с. 310–311].

Заключение

Анализ работ Н.А. Бердяева и Б.В. Яковенко, посвященных революции и русской истории, показывает наличие концептуальных пересечений. Оба философа рассматривают революцию и социализм не только с политической и социальной точек зрения, но и как явление с духовным значением. Для Бердяева сущность социализма заключается в его способности выступать подобно религиозному культу, привлекая последователей и формируя убеждения, связанные с ценностями буржуазной культуры, но одновременно ограничивая свободу и творческие проявления, тогда

как для Яковенко социализм представляет собой скорее угрозу для свободной конкуренции идей и демократии, нежели новую форму религиозности. Оба философа считают социализм формой ограничения человеческой свободы и препятствием для исторического развития, по крайней мере в его материальной форме. Революция, по их мнению, в первую очередь разрушает существующий порядок и фокусируется на материальных аспектах, а не на созидании нового.

Для Бердяева концепция свободы играет ключевую роль, представляя собой метафизический принцип, имманентный революции. Как исторический апокалипсис, она открывает возможность народу воплотить свои творческие способности и создать лучшие условия для жизни, но только при условии духовного возрождения. Он считает свободу не просто социальным и политическим феноменом, а фундаментальным метафизическим принципом, который имманентен человеческой природе и историческому процессу. Для Бердяева свобода имеет религиозное измерение и связана с духовным возрождением личности и общества. Свобода для Яковенко является необходимым условием для существования плюрализма и разнообразия подходов к истине, способствующих более гармоничному и глубокому пониманию мира и человеческого общежития. В его представлении свобода неразрывно связана с демократическими процессами и правом на свободное выражение мнений. И для Бердяева, и для Яковенко свобода выступает в качестве основания их политико-философских концепций, где активность всех субъектов исторического процесса и события оцениваются с точки зрения реализации положительной свободы. В этом контексте революция играет двойственную роль – она обнажает общественные проблемы и выступает как «инструмент» истории, призванный полностью раскрыть потенциал общественного творчества, ведущий к созданию нового мира на основе духовной гармонии и блага. Однако реальность истории оказалась значительно более жестокой, чем представления о ней. Революция, ожидавшаяся обоими мыслителями, в своем воплощении приобрела угрожающий характер массового насилия, извращения морального закона и духовного закрепощения людей, что значительно усилило морально-критическую сторону их философии истории и политики.

Список литературы

- Бердяев, 1990 – *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Московского университета, 1990. С. 55–89.
- Бердяев, 2006а – *Бердяев Н.А.* Духовные основы русской революции. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 445 с.
- Бердяев, 2006б – *Бердяев Н.А.* Философия неравенства М.: АСТ; Хранитель, 2006. 352 с.
- Бердяев, 2002 – *Бердяев Н.А.* Смысл истории. Новое средневековье / Сост. и комм. В.В. Сапова. М.: Канон+, 2002. 448 с.
- Бердяев, 2017 – *Бердяев Н.А.* Судьба России. СПб.: Лань, 2017. 202 с.
- Вандалковская, 2009 – *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М.: ИРИ РАН, 2009. 432 с.
- Дель Эра, 2012 – *Дель Эра Т.* Политические произведения Б.В. Яковенко: итальянский период // Борис Валентинович Яковенко / Под ред. А.А. Ермичева. М.: РОССПЭН, 2012. С. 402–428.
- Ермишин, 2018 – *Ермишин О.Т.* Политическая философия Б.В. Яковенко // Вопр. философии. 2018. № 4. С. 63–70.
- Жукова, 2023 – *Жукова О.А.* Русская интеллигенция перед лицом философской истины: исторический и моральный выбор // История философии / History of Philosophy. 2023. Т. 28. № 1. С. 29–40.
- Кара-Мурза, Поляков, 1999 – *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. 439 с.

Мелих, 2012 – Мелих Ю.Б. Плюралистический большевизм Б.В. Яковенко: между научностью и убежденностью (Из истории социально-политических идей в России) // Борис Валентинович Яковенко / Под ред. А.А. Ермичева. М.: РОССПЭН, 2012. С. 429–455.

Митрохин, 2009 – Митрохин В.А. Российская эмиграция: общественная мысль и политическая деятельность (20–30-е годы XX в.). Дисс. ... д. истор. наук. Саратов, 2009. 408 с.

Никоненко, 2021 – Никоненко С.В. Рассел и Бердяев о марксизме, коммунизме и Советской России: сравнительный анализ // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 4 (2). С. 163–174.

Силантьева, 2018 – Силантьева М.В. Николай Бердяев о «духах революции»: историко-этические параллели // Вопр. философии. 2018. № 1. С. 96–105.

Степун, 2009 – Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избр. соч. М.: Астрель, 2009. 807 с.

Степун, 2010 – Степун Ф.А. Религиозный смысл революции // Степун Ф.А. Избр. труды / Сост. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. 672 с.

Струве, 2004 – Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. 872 с.

Струве, 1990 – Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Московского университета, 1990. С. 235–250.

Федотов, 1991 – Федотов Г.П. Бердяев-мыслитель // Н.А. Бердяев: pro et contra / Под ред. А.А. Ермичева. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1991. С. 538–550.

Федотов, 2011 – Федотов Г.П. Революция идет // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 5: И есть, и будет. М.: Sam & Sam, 2011. 424 с.

Франк, 1990 – Франк С.Л. De profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Московского университета, 1990. С. 251–269.

Яковенко, 1991 – Яковенко Б.В. Философское донкихотство // Н.А. Бердяев: pro et contra / Под ред. А.А. Ермичева. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1991. С. 226–237.

Яковенко, 2000 – Яковенко Б.В. Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. 975 с.

Яковенко, 2013 – Яковенко Б.В. История великой русской революции. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; ВИКМО-М, 2013. 432 с.

The Great Russian Revolution and Socialism in the Works of N.A. Berdyaev and B.V. Yakovenko of the Mid-1910s–1920s

Ilya A. Pilnov

National Research University “Higher School of Economics”. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: iapilnov@edu.hse.ru

This article attempts a comparative analysis of the problems of revolution and socialism in the philosophical work of Nikolai Berdyaev and Boris Yakovenko. The author aims to compare the key philosophical and political concepts of the two thinkers to identify the commonalities and differences in their views. The subject of consideration are the works of Berdyaev and Yakovenko of the period of the mid-1910s – 1920s. The article shows that from the historical-philosophical point of view it is this period of work of both thinkers that provides the basis for a comparative analysis of their revolutionary analytics. After writing “The History of the Great Russian Revolution” Yakovenko did not return to the comprehension of the event of the revolution in Russia, while Berdyaev after 1924 begins to use other approaches in the discussion of philosophical-historical and socio-political problems. The closeness of the positions of the two philosophers is manifested in the similarity of their conceptual apparatus, while the differences are in the initial philosophical intuitions and metaphysical views that define their philosophical horizon. The article concludes that Berdyaev and Yakovenko have a certain convergence of views, discussing the question of freedom and various forms of unfreedom, viewing it through the prism of the philosophical and

political program of socialism and the events of the revolution and revealing their religious and spiritual nature.

Keywords: Nikolai Berdyaev, Boris Yakovenko, revolution, intellectuals, socialism, pluralism, spirituality, creativity, freedom

References

- Berdyaev N.A. Dukhi russkoy revolyutsii [Spirits of the Russian Revolution]. In: *Iz glubiny. Sbornik statei o russkoi revolyutsii* [From the Depths. A Collection of Articles on the Russian Revolution]. Moscow: Moskovskiy Universitet Publ., 1990, pp. 55–89. (In Russian)
- Berdyaev N.A. *Duhovnye osnovy russkoi revolyutsii* [Spiritual Foundations of the Russian Revolution]. Moscow: AST Publ.; Khranitel Publ., 2006. 445 p. (In Russian)
- Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of Inequality]. Moscow: AST Publ.; Khranitel Publ., 2006. 352 p. (In Russian)
- Berdyaev N.A. Novoe srednevekovie (Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy) [The New Middle Ages (Reflections on the Fate of Russia and Europe)]. In: *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of Inequality], ed. by O.A. Platonov. Moscow: Institut Russkoi Civilizatsii Publ., 2012, pp. 512–601. (In Russian)
- Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. St. Petersburg: Lan' Publ., 2017. 202 p. (In Russian)
- Del Era T. Politicheskie proizvedeniya B.V. Yakovenko: italiyskiy period [Political Works of B.V. Yakovenko: Italian Period]. In: *Boris Valentinovich Yakovenko* [Boris Valentinovich Yakovenko], ed. by A.A. Ermichev. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012, pp. 402–428. (In Russian)
- Ermishin O.T. Politicheskaya filosofiya B.V. Yakovenko [Political Philosophy of B.V. Yakovenko]. In: *Voprosy Filosofii*, no. 4, 2018, pp. 63–70. (In Russian)
- Fedotov G.P. *Revolutsia idet* [The Revolution Is Underway]. In: Fedotov G.P. *Sobranie sochineniy v 12 t.* [Collected Works in 12 vol.], vol. 5: I est', i budet [And Is, and Will Be]. Moscow: Sam & Sam Publ., 2011. 424 p. (In Russian)
- Fedotov G.P. Berdyaev-myslitel [Berdyaev the Thinker]. In: *N.A. Berdyaev: pro et contra* [N.A. Berdyaev: pro et contra], ed. by A.A. Ermichev, St. Petersburg: Izdatelstvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 1991, pp. 437–446. (In Russian)
- Frank S.L. De profundis. In: *Iz glubiny. Sbornik statei o russkoi revolyutsii* [From the Depths. A Collection of Articles on the Russian Revolution.]. Moscow: Moskovskiy Universitet Publ., 1990, pp. 251–269. (In Russian)
- Kara-Murza A.A., Polyakov L.V. *Russkie o bol'shevizme. Opyt analiticheskoy antologii* [Russians on Bolshevism. The Experience of an Analytical Anthology]. St. Petersburg: Izdatelstvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 1999. 439 p. (In Russian)
- Melikh U.B. Pluralisticheskii bolshevizm B.V. Yakovenko: mezhdru nauchnostiu i ubezhdennostiu (iz istorii socialno-politicheskikh idei v Rossii) [B.V. Yakovenko's Pluralistic Bolshevism: Between Scientificity and Conviction (From the History of Socio-Political Ideas in Russia)]. In: *Boris Valentinovich Yakovenko* [Boris Valentinovich Yakovenko], ed. by A.A. Ermichev. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012, pp. 429–455. (In Russian)
- Mitrokhin V.A. *Rossiyskaya emigratsia: obshchestvennaia mysl i politicheskaya deyatelnost' (20–30-e gody XX v.)* [Russian Emigration: Public Thought and Political Activity (20–30s of the 20th Century)]. Saratov: Dissertation of Doctor of Historical Sciences, 2009. 408 p. (In Russian)
- Nikonenko S.V. *Russell i Berdyaev o marksizme, kommunizme i Sovetskoy Rossii: sravnitelnyi analiz* [Russell and Berdyaev on Marxism, Communism and Soviet Russia: A Comparative Analysis]. In: *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2021, vol. 22, no. 4 (2), pp. 163–174. (In Russian)
- Silantieva M.V. *Nikolay Berdyaev o "dukhakh revolyutsii": istoriko-eticheskie paralleli* [Nikolai Berdyaev on the "Spirits of Revolution": Historical and Ethical Parallels]. In: *Voprosy Filosofii*, 2018, no. 1, pp. 96–105. (In Russian)
- Stepun F.A. *Religiozniy smysl revolyutsii* [The Religious Meaning of Revolution]. In: Stepun F.A. *Izbrannye trudy* [Selected Works], ed. by K.A. Soloviev. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 672 p. (In Russian)
- Stepun F.A. *Zhizn' i tvorchestvo. Izbrannye sochineniya* [Life and Work. Selected Works]. Moscow: Astrel' Publ., 2009. 807 p. (In Russian)

Struve P.B. *Dnevnik politika (1925–1935)* [The Diary of a Politician (1925–1935)]. Moscow: Russkij put'; Paris: YMCA-Press, 2004. 872 p. (In Russian)

Struve P.B. Istoricheskiy smysl russkoy revolyutsii i natsionalnye zadachi [Historical Meaning of the Russian Revolution and National Tasks]. In: *Iz glubiny. Sbornik statei o russkoi revolyutsii* [From the Depths. A Collection of Articles on the Russian Revolution]. Moscow: Moskovskiy Universitet Publ., 1990, pp. 235–250. (In Russian)

Vandalkovskaya M.G. *Istoricheskaja mysl' russkoj emigracii. 20–30-e gg.* [Historical Thought of Russian Emigration in the 20–30s of the 20th Century]. Moscow: IRI RAS Publ., 2009. 432 p. (In Russian)

Yakovenko B.V. Filosofskoye donkikhotstvo [Philosophical Donkishness]. In: *N.A. Berdyayev: pro et contra* [N.A. Berdyayev: pro et contra], ed. by A.A. Ermichev, St. Petersburg: Izdatelstvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 1991, pp. 226–237. (In Russian)

Yakovenko B.V. *Istoria velikoy russkoy revolyutsii* [History of the Great Russian Revolution]. Moscow: Dom russkogo zarubezhia imeni Aleksandra Solzhenitsina; VIKMO-M Publ., 2013. 432p. (In Russian)

Yakovenko B.V. *Moshh' Filosofii* [The Power of Philosophy]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000. 975 p. (In Russian)

Zhukova O.A. Russkaya intelligentsia pered litsom filosofskoy istiny: istoricheskiy i moralnyi vybor [Russian Intellectuals in the Face of Philosophical Truth: Historical and Moral Choices]. In: *Istoriya Filosofii / History of Philosophy*, no. 1, 2023, pp. 29–40. (In Russian)